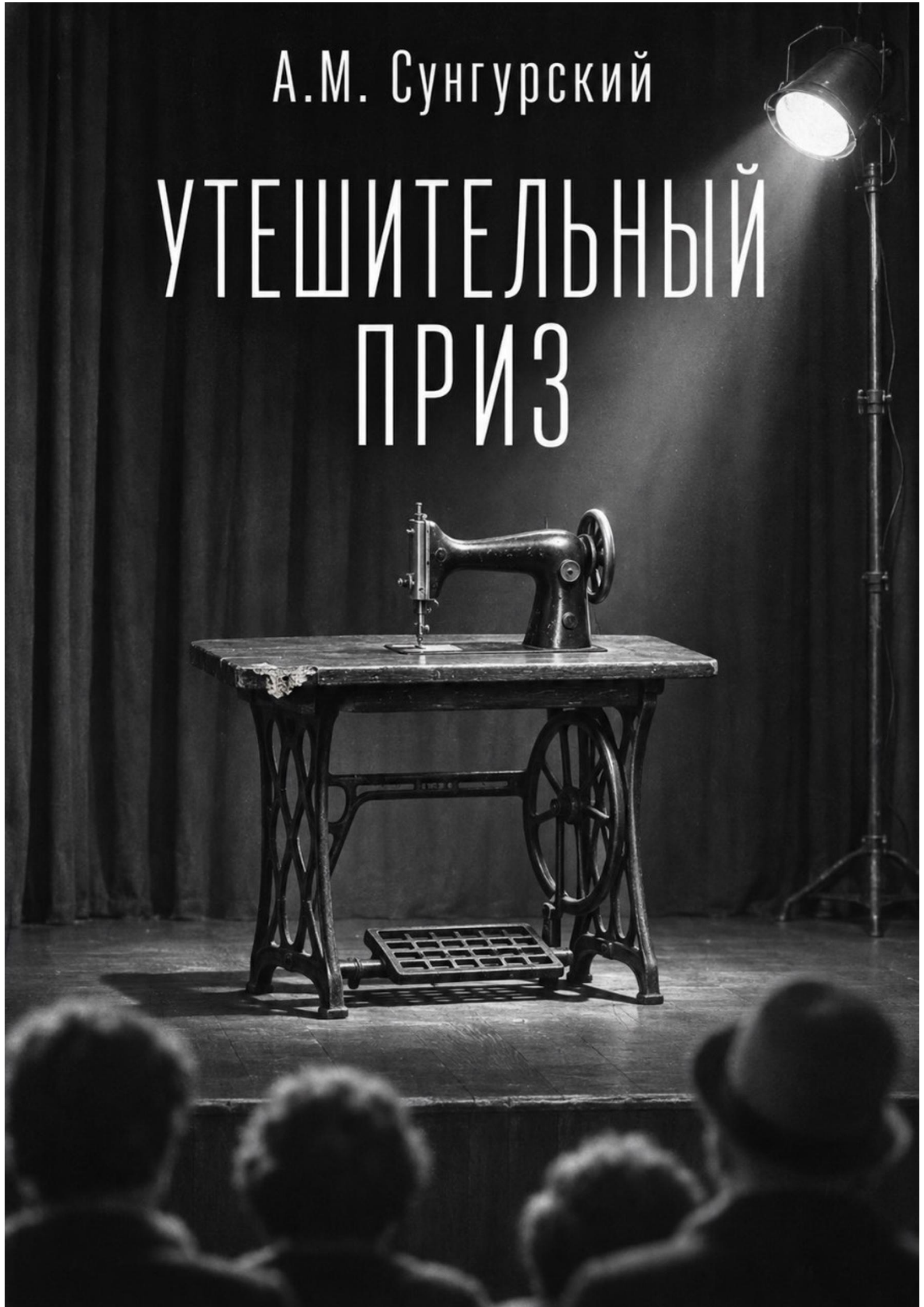
А.М. Сунгурский

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗ

А.М. Сунгурский

Утешительный приз

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Утешительный приз / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Пенза, 1996 год. На розыгрыше домашняя портниха Вера Носова выигрывает швейную машинку, которую неделю назад украли из её квартиры. Она узнаёт скол на столешнице. Соседка показывает ей сентябрьскую газету с рекламой розыгрыша. На снимке виден тот же скол, а газета вышла больше чем за две недели до кражи.Вера уже успела обвинить в краже свою ученицу Лену. Чтобы вернуть машинку и исправить сказанное, ей придётся выяснить, кто объявил чужую вещь призом и зачем ведущему понадобилось назвать именно её билет. Тем временем в клубе готовят второй розыгрыш.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Триста семнадцать 5
Глава 2. Вещь осталась 9
Глава 3. Тамарины гайки 13
Глава 4. На обороте 16
Глава 5. Вперёд иголку 19
Глава 6. Снимок для оценки 22
Глава 7. До кольца 25
Глава 8. Два мелка 28
Глава 9. До конца смены 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

А.М. Сунгурский
Утешительный приз

Глава 1. Триста семнадцать

— Триста семнадцать, — сказал человек на сцене. — Есть у нас такие?

Вера разгладила билет на колене. Номер отпечатали так близко к краю, что семёрка осталась без ножки. Ася ещё утром велела не выбрасывать билет, если его надорвут у входа. Надорвали с другой стороны, где было написано, что за пальто в зале отвечают сами владельцы.

— Вот, — сказала Вера.

Повернулся мальчик в соседнем кресле. У него на плече спала маленькая девочка в школьном банте. Мальчик двумя пальцами приподнял Верин билет, сверил с тем, что услышал, и, не шевельнув плечом, крикнул:

— Здесь!

На сцене отодвинули цветочный горшок. Из-за кулисы вышел парень в куртке, встал боком, потянул обеими руками за край тёмного стола. Сзади вместе со столом продвинулась девушка в мужских перчатках. Одна ножка соскочила с ковровой дорожки, и парень перехватил стол поперёк, чтобы чугун не ударил по доскам. Тогда Вера увидела ближний левый угол.

Вся машинка вышла на свет, а Вера всё смотрела на это место. Скол начинался пологим краем и обрывался маленьким зубом под швом лака. Зуб она убирала наждачной бумагой над раскрытой газетой. Сняла сколько смогла, дальше пришлось бы задеть целый край столешницы. Она потом сажала клиента с этой стороны и подворачивала между деревом и тканью собственный фартук, если примеряли что-нибудь тонкое.

Тот, кто нёс машинку, заметил её взгляд. Провёл по сколу большим пальцем, потом обтёр его о куртку.

— Подарок для дома, — объявил ведущий. — Прямо скажем, для многих из нас вещь незаменимая. Передние ряды, пропустим хозяйку.

Вера поднялась. Чтобы дать ей выйти, мальчик прижал колени к спинкам кресел. Девочка проснулась и упёрлась подошвой в Верин сапог.

— Мы чайник ждём, — сообщила она.

Вера отодвинула сапог. Девочка подтянула ноги и снова улеглась на мальчика.

Проход к сцене накрыли половиком. У первой ступеньки Вера остановилась и поискала Асю. Дочь осталась у дверей, где пообещала подождать, пока раздадут бытовые подарки. Между ней и сценой теперь стояли люди из задних рядов. Кто-то повернул голову, и Вера увидела Асину голубую заколку. Дочь подняла руку. Она улыбалась, пока Вера не поманила её к себе.

— Вера Андреевна? — сказал ведущий, когда Вера взошла на сцену.

Он держал микрофон у подбородка. Ей пришлось ответить рядом с его щекой.

— Фамилию вы тоже знаете?

Ведущий отвёл микрофон.

— Девушка с билетом ещё у входа показала. Носова. Поспешили, видать, все вместе.

Словно этого объяснения он ждал от Веры. Она посмотрела на его руку. На тыльной стороне большого пальца было синее пятно, будто недавно перекидывал копирку.

— Где взяли машинку?

Ведущий поднял микрофон. Вера ещё раз увидела его рот перед собой и решила сперва подойти к столу. Девушка в перчатках протянула руку, чтобы убрать лоскут из-под иглы.

— Дайте я, — сказала Вера.

Девушка выпрямилась. Она стояла близко, но на Веру не глядела. Под иглой лежал кусок синего сукна, совсем новый, с пузырчатой полосой от утюга. Вера подняла лапку и вынула сукно. Игольная пластина держалась чуть криво. На светлом металле белела широкая царапина: Вера два раза попала в это место отвёрткой, пока снова не поймала винт.

— Кто вам её привёз?

— Вера Андреевна шьёт, — объяснил человек с микрофоном. — Видите, сразу проверяет товар.

Кто-то засмеялся. Вера сгребла сукно, оставила на ладони; оно было слишком грубое для рукава, который ей вечером придётся дошить на чужой машине.

— Я свою проверяю. У меня её на прошлой неделе из дома вынесли.

До дальних рядов её голос не дошёл. У кулисы парень с курткой дёрнул молнию до самого горла. Девушка нагнулась к нему, но сказать ничего не успела. Из боковой двери на сцену вышла Нина Петровна. В одной руке у неё были корешки, в другой — белый платок. Она обычно на ходу протирала очки, сейчас очки висели у неё на шнурке.

— Алексей, люди стоят. Дальше объявляй.

Ведущий улыбнулся так, словно его попросили продолжить знакомую песню. Отступая к микрофонному проводу, он едва не наступил на цветочный горшок. Нина Петровна прижала платком корешки и второй рукой подала горшок девушке в перчатках.

— Если промокло, картонку подложи. Вера, тебе сюда, пожалуйста.

— Ты её видела.

— Видела. У тебя. С целым или со сколотым углом — спроси что полегче. Я тогда больше на петли смотрела.

— Я тебе сказала, что она не продаётся.

Нина Петровна надела очки. Сцена ей вдруг стала мала; она подняла ладонь между собой и Верой и предложила поговорить за занавесом. Там меньше слышно, сказала она, и охотнее договариваются.

Вера придвинулась к столу животом. В проходе стояла Ася. Подниматься дочь не стала, одной ногой нащупала на полу конец половика и поправила его, как всегда делала, когда не хотела выдавать, что ждёт.

— Сама же хотела приценяться, — тихо сказала Нина.

Вера хотела приценяться. По телефону Нина предложила зайти вместе с фотографом: ей всё равно нужно было пройти в том квартале три адреса. Вера сняла со столешницы нарезанные манжеты, вытерла древесину. У фотографа болталась пуговица на рукаве. Вера велела ему встать к окну, срезала пуговицу, пришила другую из своих запасов и попросила поберечь ремень фотоаппарата у сколотого угла. На прощание Нина сказала, что с машинкой может подождать. Вера решила, что поговорить с Тамарой ещё успеет.

— Золотые руки мы здесь нашли, — говорил ведущий. — Теперь найдём хозяина чайнику. Кто из вас уже записал восемьдесят пятый?

Девочка в школьном банте вскинулась. Мальчик придержал её под коленями, чтобы она не сползла на пол. Вера вынула из кармана билет. Нина накрыла корешки платком. Ася увидела это движение, поднялась на две ступеньки и остановилась.

— Мам, он меня не спрашивал, — сказала она.

— Про билет?

— Про фамилию. Я свои называла у гардероба. Куртку оставить хотела, у них крючки кончились.

У Веры отняли первое объяснение, пока она ещё могла поверить ему. Она вернула билет в карман, положила сукно на стол и, не выпуская край из руки, нагнулась к левому ящичку. Тот заедал, если тянуть за ручку снизу. Вера нажала на дерево большим пальцем и потянула к себе. Внутри каталась белая пуговица. Ещё там лежала фасоль. Она прижала зерно пальцем и

переложила на ладонь. Фасолина была в тёмно-бордовых точках. Ася перед кражей засыпала фасоль в банку и рассыпала полгорсти по полу. Одно зерно она просунула Вере на стол рядом с пуговицами, чтобы посмотреть, когда Вера заметит. Заметила через полдня и сгребла вместе с пуговицами в ящик.

— И это моё, — сказала Вера.

Она показала не Нине. С другого края стола на неё смотрела девушка в перчатках. Девушка стянула одну перчатку, раскрыла пустую ладонь.

— Мне сказали только вынести.

— Кто сказал?

Ведущий заговорил о чайнике у самой Веры за спиной. Девушка надвинула перчатку. Вера увидела, как та пытается сунуть большой палец в пустое место, которое успело сплющиться. Ася пришла ближе и взяла у матери фасоль.

— Та самая, — сказала она.

На чайник объявили ещё один номер. Первый победитель, которого искали, не отозвался. В зале снова зашуршали билеты.

К краю сцены подошёл мужчина с очками в нагрудном кармане. Вера видела его раньше у стола перед дверью. Он объяснял пожилому человеку, где сохраняется вторая половина билета, и стучал согнутым пальцем по строке. Теперь он держал под мышкой тонкую папку на завязках.

— Сапожников, — представился он. — Вещь пока остаётся здесь. Расписываться не будете?

— За то, что она моя, распишусь.

— Там написано «получила».

— Так я же не получила.

— Вот и не расписывайтесь.

Он сказал это так обыкновенно, словно многие говорили с ним сегодня о том, что получили, а что осталось на сцене. Нина Петровна опустила обе руки, заглянула в его папку и затянула развязанный тесёмочный хвостик. Мужчина отодвинул от неё папку.

— Вер, за стенкой есть стулья, — сказала Нина. — Посидим в комнате, ты объяснишь. Зачем тебе у всех на глазах спорить?

Вера посмотрела на Асю. Та вложила фасоль в бумажную обёртку от ириски, сложила ту вчетверо и отдала матери. Вера сунула обёртку туда же, где лежал билет. Так бывало и в цеху: обнаружив пропажу на рабочем столе, она первым делом убирала пробный лоскут в карман, чтобы никто не прибрал поверхность до её возвращения.

А там, у Тамары в кухне, она сказала про Лену сразу, ещё с порога. «Ты ей не звони, — сказала она. — Пусть сама придёт, если есть совесть». Тамара поставила вазочку с сахаром между ними. Спросила, откуда Вера так хорошо знает, что у девушки есть ключ. Вера сказала, что ключ показала ей сама, когда учила разбирать заказы на столе. Через два дня, когда Лена всё-таки пришла, Вера выбрала вынести ей сумку со сменными туфлями в прихожую. Отдать её при соседке. Лена взяла туфли в руки, а сумку оставила. Вере теперь трудно было вспомнить, кому она первой сказала, что девушка ушла с ключом. Ключ лежал на месте, где его и хранили.

— Все слышали, как вы меня назвали? — спросила Вера у ведущего.

Он разговаривал с победительницей, которая держала микрофон обеими руками, как держат горячий чай в слишком большом стакане. В сторону Веры она не поворачивалась.

— Про меня слышали, — сказала Вера Сапожникову. — Про машинку тоже услышат.

Она подошла так близко к победительнице, что та в конце своей фразы посмотрела ей в глаза и сама протянула микрофон. Оказалось, он тяжёлый. До этого Вера только и видела, как ведущий перебрасывал его из руки в руку, чтобы ни на секунду не выпускать разговор.

— Пензенцы, спокойно, — сказал тот издали. — У нас ещё два розыгрыша.

— Меня зовут Вера Носова. Эту машинку у меня вынесли из дома в прошлое воскресенье. Я её узнаю. Если захотят убрать, запомните, пожалуйста, кто унёс.

В дальнем конце зала мужчина встал и сел, откинув локоть с прохода. Видимо, за его спиной кто-то тоже хотел посмотреть. Вера вернула микрофон победительнице.

— Мне его уже можно отдать? — спросила та.

— Лучше пока подержите.

Сапожников обошёл стол. С того бока, где стол заканчивался ручным колесом, одна ножка не доставала до пола. Он взял с подставки сложенную программу и подложил под неё. Потом отступил. Парень в куртке остался на месте, хотя из-за занавеса его позвали по имени.

Вера впервые смогла повернуться к машинке спиной. Она поискала в зале мальчика с девочкой. Девочка поправляла сбившийся бант, а мальчик хлопал себя по карманам. Несколько человек помогали ему искать билет, заглядывали под кресла. Вера дала Асе свой билет подержать и пошла к телефону. За сценой она раньше видела стол, кабель и пустую чашку. Тамара по воскресеньям в это время разговаривала с сыном. Вера решила звонить, пока та не ответит.

Глава 2. Вещь осталась

Тамара сняла трубку после шестого гудка.

— Валер, ты обедал? — спросила она.

— Тамар, это я.

Вера повернулась спиной к двери. Телефон стоял на столе, у которого сняли один ящик. В пустом гнезде от ящика висела тряпка с узлом. Телефонный шнур дотягивался только до узла. Если дверь распахивали до конца, она упиралась Вере в локоть.

— Нашлась машинка.

— Где?

— На розыгрыше. Ты мне скажи, что мы про неё с матерью знаем. Бумага у тебя была?

Тамара молчала недолго. Вера услышала, как она села, и как под ней защёлкала обломанная пружина дивана. Сын обещал приехать и вынуть пружину ещё когда Вера последний раз заносила туда кипячёную воду.

— А люди где машинка, там тоже есть?

— Есть.

— Пусть никуда не денутся. Я сейчас.

В зале зааплодировали. Вера держала трубку, пока не пошли короткие гудки. За спиной два раза шевельнулась дверь.

— Вы можете до конца спокойно побыть? — спросил незнакомый женский голос.

Вера повесила трубку и обернулась. У двери стояла женщина в широкой полосатой кофте. Одной рукой она придерживала дверь, другой прижимала к груди книгу. Между страниц торчали корешки от билетов, завязанные в две пачки.

— Я могу. Мне надо знать, где оставят машинку.

— Из зала уберут. Тут так всегда, пока не дадут подписать.

— Я сказала, что она краденая. Кто после этого разрешит её убирать?

Женщина подалась к Вере, дверь захлопнулась. Женщина прижала книгу к животу, будто при таком обращении из неё могло что-то выпасть.

— Я тут за гардероб договаривалась. Записала всех, у кого крючков не хватило. Вы за курткой?

Вера узнала на книге рисунок из трёх шнурков: такую обложку ставили в канцелярском магазине на тетради по восемьдесят листов, которые не раскрывались как следует. Та женщина очень старалась спрятаться за своей работой. Вера в цеху тоже бывало держала журнал близко к животу, когда мимо проходили с недошитыми рукавами и знали, что она заметит.

— За машинкой. Позовите, пожалуйста, кто тут хозяин.

Женщина переложила книгу на стол. Она вынимала страницы, не развязывая пачек: несколько листочков были с номерами, а несколько с фамилиями. Фамилию «Носова» Вера увидела напротив слова «голубая», ниже стояли два синих прочерка.

— Это дочь.

— Куртку так и не оставила. Сказала, имени хватает. Все бы так.

Илья Сапожников приоткрыл дверь и придержал. Вера успела сунуть носок сапога под створку, хотя он её и так держал.

— Я сейчас найду Семёныча, — сказал он женщине с тетрадью. — Пусть скажет, куда можно ставить.

— В бывшую кассу. Только дверь сначала поднимите.

— А в кассе кто?

— Я. У меня в кассе пересчёт через час. Стол с машинкой до стены дойдёт, мне там не тесно.

Сапожников сказал спасибо и вышел. Женщина разгладила на тетради бумажку, которая зацепилась за обложку.

— Касса наша, — сказала она Вере. — От клуба. Я Дина. А той, которая там за микрофон отвечает, за куртки сегодня никто не платит.

Вера поблагодарила. Дина сняла с телефонного провода тряпку и заправила за ящик. Щель между двумя столами сразу открылась. Вера видела перед собой полоску пола до самой стены и пустую розетку с продавленным боком. Дина протянула провод туда, где от него отстали, и телефон оказался достаточно близко к двери.

— А в милицию вы позвонили?

— Сестре.

— Позвоните и им. С чего решили, что они знают, где стоит?

В прошлое воскресенье Вера ходила туда сама. Дежурному оставила фамилию, неполный номер машины, который когда-то списала на бумажку для мастера, описание стола и фамилию соседки. Ленино имя назвать не решилась. Пока стояла в коридоре, ещё думала, что завтра всё выяснится по ключу. Вернувшись домой, нашла ключ на обычном месте.

С дежурным поговорила недолго. Назвала место и объяснила, что предмет видела только что, при людях, что «Носова» уже есть в их записи недельной давности. Мужчина спросил, увозят ли вещь. Она сказала, что пока собираются перенести в другую комнату того же здания. Дежурный велел оставаться у телефона или рядом с залом, где её можно найти. В ответ на вопрос, когда приедут, попросил не занимать линию.

Дина сняла с книги нужную бумажку.

— Увижу дочь — позову.

— Она у сцены.

— А там теперь таких без неё, видели бы.

Вера вернулась на сцену со стороны стены. На ковре лежала короткая доска, которой парни прикрыли щель между подмостками и вторым полом. Один край поднялся, когда на него наступили. Вера придавила его носком, чтобы пропустить Дину. Дина прошла вперёд и почти сразу упёрлась в Нину Петровну. Сверху обе были в полосатом, но Динины полосы шли вдоль, у Нины — поперёк рукавов. Вера впервые увидела, как по-разному они протискиваются между чужих плеч: Дина засовывала руку и ждала, Нина сразу шла, будто всё уже согласовано.

— Алексей твой мне обещал, что когда народ выйдет, пол подмету, — сказала Дина.

— Подметут.

— Твой парень принёс свёрток. Развернуть негде, пока машинка тут. Распоряжайтесь.

Вера пригляделась. Машинка стояла у кулисы там же, где её видели все. Ася сидела на корточках за железной станиной. Она взяла ремень, снятый с колеса. На столешнице было сукно, сложенное вдвое. Когда мать подошла, Ася отпустила ремень и поднялась на ноги.

— Хотят унести в подвал, — сказала Ася.

— Ты им сказала, что я вернусь? — спросила Вера.

Сапожников вернулся с двумя бланками. Один положил на машинку, второй отдал Дине.

— Туда не понесут, — сказал он Асе. — Через коридор до кассы. Дина закроет на ключ.

Ведущий, Алексей Резников, принёс сухой платок и протёр микрофон. Он говорил с человеком за занавесом, который проверял удлинитель, а сам поглядывал на Веру. Она ждала вопроса, но вопрос задала Нина.

— Что ты будешь делать с машинкой, когда тебе её выдадут?

— Сначала узнаю, как она сюда попала.

— Вот бумага. Можно оставить у Дины и спросить там. Когда наладишь, будешь шить. Чего ещё?

Вера взяла бланк, но в руки только за два края. Вверху было напечатано слово «приз», внизу — короткая строка. Поместились бы имя и фамилия. Сапожников прикрыл строку ладонью.

— Дина, вот другой. Сколько ножек, цвет, скол. Кассир принимает стол в комнате, две подписи. Без графы про номера.

— Напиши с машинкой, — сказала Дина. — Если нужно, я сама напишу.

Резников обернулся:

— Что там вам нужно писать? Головка чёрная, ножки, ну. Потом всё равно выдавать.

Вера поняла, что он весь разговор слышал. В куртке она тоже могла бы пойти дальше по своим делам. А его голос уже попал внутрь микрофона, и она снова почувствовала, как потом бывает трудно услышать хоть что-то помимо одной и той же громкой фразы.

— Графу про выдачу мне оставьте, — сказала она. — Я напишу, что пока ничего не получала. Ася, билет у тебя?

Дочь достала его, ещё раз сверила номер. Сапожников наклонился, чтобы видеть из-за Вериного плеча. Билет был белый, с неровной семёркой. Сапожников записал номер в свободном месте. Дина дочитала его бумагу и сложила её пополам.

— Отсюда придётся вести вдоль стены, — сказала она парню. — Всё, что вы там проводили за спиной, сначала уберите.

Парень замешкался и скосил глаза на Нину Петровну. Вера проследила за его взглядом. Нина как раз раскрыла ладонь, белый платок повис с двух пальцев. Она коротко поморщилась, взяла пакет, который прислонили к сцене, и протянула ему. Парень не пошёл за пакетом, пока девушка в перчатках не толкнула его в локоть.

— Мне только свою смену закончить, — сказал он ей.

Парень сунул пакет за кулису и вынул штекер из удлинителя. Штекер ударил по подмосткам. Вера придержала ногой доску над щелью. Двое работников подняли машинку с двух сторон и понесли за Диной. Резников посмотрел вслед и сжал в кулаке платок.

— Все всё знают, — сказал он совсем тихо. — А спросить не у кого.

Ася догнала Веру в коридоре на повороте. В этот раз она не держала билет открыто. Зато у неё под левой рукой была сложенная вчетверо программа.

— Мам, когда ты её увидела?

— Когда стол перекосило.

Ася раскрыла программу. Бумага была ещё тёплая от её пальцев. На внутренней стороне между перечнем фирм, которые якобы участвовали в розыгрыше, и расписанием вычеркнули карандашом третий приз. Ниже, рядом с четырьмя вещами, стояла чёрно-белая фотография. На ней машинка с открытым левым ящичком занимала почти весь нижний угол.

— Фасоли не видно, — сказала Ася. — Зато глянь вот сюда.

Вера поднесла лист ближе к коридорной лампе. На снимке стол был светлее у самого переднего края. Скол с маленьким хвостом виднелся целиком, как будто снимали с места, на которое Вера сажала клиентов. За столиком чернела полоса. Дома так ложилась тень от батареи, но картинку могли подрезать с любого бока и поставить под неё любую тень. Вера перевернула программу. Даты печати никто не проставил.

— Снаружи видела такие?

— Сегодня. И раньше. Мне показывали, как будет напечатано, когда я забирала билет.

— Когда?

— В четверг. Три дня назад.

Вера отняла программу от лампы и сложила, чтобы не так бросалась в глаза. Из зала к выходу пошли люди. У кого-то под локтем лежала точно такая же, какая была у неё в руках.

— Мне надо домой зайти, — сказала Ася. — Если ты со мной не пойдёшь, скажи куда за тобой.

— Останусь здесь.

— Кто ещё идти может? Я Дину спрашивала, она на входе никого не знает.

— Тамара едет. Дай пока программу, пусть тоже посмотрит.

Ася уже хотела сложить лист, но передумала и расправила его. Вера поймала её взгляд. Первой к столу можно было бы позвать Лену. Она видела машинку почти каждый день. Неделю назад Вера сама сделала так, что Лене теперь неловко пойти даже через их двор.

— Вот тебе, — сказала Ася и вложила в сложенную программу билет. — Пока рука свободна.

Глава 3. Тамарины гайки

Тамара пришла с закатанным рукавом. Вера догадалась, что сестра приехала в той самой кофте, в которой сидела у телефона, и на улице только успела одёрнуть один рукав. Другой вздулся под пальто на локте. Пока Тамара стягивала пальто, на пол выпало два талона. Вера подняла. Сестра посмотрела на бумажки, помедлила и покачала головой.

— Можешь выбросить. Один я вовсе даром отдала, потому что всё перепутала. Где она?

У кассы стоял милиционер в расстёгнутой куртке. Его товарищ остался у двери зала и разговаривал с парнем, который тащил машинку на сцену. Дина разложила тетрадь и посадила Сапожникова за тот стол, куда обычно клала наличные при пересчёте. Сапожников поместился, а его длинные ноги себя выдали: под столом стояло два сапога, подошвы смотрели в разные стороны. Ни один бланк оттуда не вылетел и ничего больше не происходило, пока Тамара не прошла без спроса в открытую комнату.

Машинку поставили у стены изнанкой к двери. Тамара увидела станину. Вынула из кармана пальто бумажный кулёк и положила на ладонь Вере. Внутри перекатились две маленькие гайки.

— Третья там, — сказала она. — С того края, где от колеса не подлезешь. Я точно две взяла запасные.

Вера смотрела, достанет ли сестра третью гайку. Та нагнулась, поставила ладонь под край столешницы, но выкручивать ничего не стала.

— Покажите снизу, — попросил её милиционер.

Он говорил тихо и ждал, пока Тамара отступит. Она сперва подала руку, чтобы показать место, но тут же выпрямилась и перехватила пальто под мышкой. Вера знала: гайку меняли вдвоём, а смотреть приходилось с противоположной стороны.

— Я отсюда не вижу. Садитесь, Вера Андреевна, покажите, — сказал он, освобождая место.

Вера села. Пригнулась, показала, где под столешницей идёт болт. Когда крепление разболталось, муж Тамары принёс из цеха пакетик гаек. Одну поставил сам, две оставил Тамаре. Елецкий, так представился милиционер, заглянул с другой стороны. Там сохранилась красная метка лаком, по которой Тамара проверяла, не сместилась ли гайка.

— Вы могли бы спутать с другой?

Вера показала скол, потом красный край полоски. Поднесла лампу ближе к латунной пластинке с цифрами на тыльной стороне. Тамара руками не трогала уже ничего. Вера показала успевшую стать мягкой в портмоне бумажку: из четырёх цифр, которые записала когда-то для мастера, одну поставила под вопросом. Елецкий сравнил.

— Так и напишем, — сказал он. — Совпадает частично.

Тамара хотела перекричать его из-за слова «частично», но Вера успела повернуться к ней. Сестра сразу поняла почему: они обе всю жизнь спорили с людьми, которые записывали за ними, и редко требовали, чтобы сначала дочитали. Тамара развернула на ладони кулёк.

— Такие и положите рядом, если нужно. Больше у меня нет.

Елецкий записал, что гайки показаны. Брать не стал.

— А кто раньше держал?

— Мама, — сказала Тамара.

— А после неё?

— Мы обе.

Вера поднялась с придвинутого табурета. Сапожников тоже встал за столом. Он слышал, как Тамара ответила. Вера подумала, что, если сейчас пропустить это мимо, сестра никогда больше не расскажет незнакомому человеку вещь полностью при ней.

— Оставалась дома у меня. Договор был, что я шью, а Тамара приходит когда угодно. Тамара покупала детали и шила у меня, если себе надо или сыну.

— Передача людям была?

— Я разрешала фотографировать для оценки.

Тамара сунула кулёк в карман. Одну гайку пришлось поймать на пальто. Та немного покатилась вдоль рукава, Тамара перехватила её, переложила в тот же карман и только после этого посмотрела на Веру. Видно было, как сестра пытается понять, при ней произошло что-то новое или всё уже сто раз произошло за этой дверью.

— Кто оценивал? — спросил Елецкий.

— Суркова, Нина Петровна. Приходила с фотографом. Ему за снимки я не платила.

— А им сколько должна была?

— Нисколько. Вызов бесплатно, когда у них человек может потом купить. Если бы согласилась продать, они бы из моего расчёта взяли за осмотр. Так говорили.

Тамара потянула другой рукав, который до этого сидел нормально. Пальто она продолжала держать под мышкой. В открытой кассе стало холодней после того, как из зала вышел народ. Дина подвинула Тамаре стул. Та не села.

— Три недели до этого ты сказала, что хотела умный совет, — сказала Тамара. — Я тебе принесла брошюрку. Думала, с приводом что-то опять.

— И с приводом тоже.

— Ты не одна там шила.

У Веры в кармане давил сложенный билет. Она понимала, как бы сказала это сама, если бы её сестра держала в руках деньги от чужой вещи. Но денег никакой сестры здесь пока не было. Была бумага оценки, которую Вера в начале месяца вынула из почтового ящика, сложила и сунула под раскрой по пальто. Если бы готовое пальто забрали раньше, лист мог оказаться на виду. Ей повезло, что Тамаре многое приходилось делать без неё.

— Продать я им не разрешала, — сказала Вера.

— Посмотрим в записях, — ответил Елецкий. — Суркову здесь где найти?

— Выходила на заднюю лестницу.

— Кто сейчас держит ключ от кассы? — спросил он у Дины.

— Машинка здесь осталась, — вмешалась Дина. — Вынесли сюда по коридору. Две подписи, моя и того, кто привёз из зала. Можете всю комнату осмотреть, здесь вещей больше не храню. Завтра в десять должна прийти кипы бумаги принимать. Мне в эту дверь или грузчика, или того, кто ключ возьмёт, надо заранее знать.

Сапожников оторвал руку от подлокотника и потянулся за бланком. Елецкий сдвинул его к себе. На бумаге значилось «принята на временное хранение», а после «из зала» шло имя, которое Вера не прочла со своего места. Дина оставила ключ у себя и обещала не отдавать машинку до проверки. Носовым предложили прийти на следующий день с тем, что у них есть. Елецкий забрал копию бланка. Теперь по крайней мере трое могли сказать, где стоит машинка и кто нёс её по коридору. Всё ещё не хватало человека, который мог бы сказать, где он её взял.

Калитку у клуба не заперли. Ася держалась во дворе напротив крыльца и что-то ела из пакета. По руке, которой она держала пакет, Вера поняла, что та оставила ей половину. Вера подняла руку, показала, что можно доесть. Ася опустила пакет, не разгибая локтя. Её тоже беспокоило, что Тамара с появлением машинки может уехать домой одна, и она не знала, за кем идти.

Тамара подошла к обочине. Ветер загнал ей полоску чужой бумаги под туфлю. Сестра посмотрела, не билет ли. Придержала пальто подбородком, наклонилась и вынула бумажку из-под подошвы. Это была обёртка от сахара. Сложила вчетверо, положила к гайкам. Вера хотела отблагодарить за них. Она всегда за всё благодарила ближе к выходу, когда Тамара держала пальто.

— Я завтра на работе, а после работы приду, — сказала Тамара. — Нина знала, что меня искать не нужно, если у тебя такая мысль? Или наоборот, попросила при мне ничего не говорить?

— Не просила. Сказала, есть время.

— Это кто из вас двоих сказал?

— Она. Я решила, что так лучше.

Тамара разжала губы, будто собиралась уточнить, для кого. Потом посмотрела на Асю, которая подошла на шаг и остановилась, так и держа пакет. Развернула край пальто на ветру. Рукав всё ещё был закатан.

— Я две вещи сегодня хочу, — сказала она. — Одну ты уже сделала. Увидела и показала. Про вторую послушай: кто на Лену сказал, ты или Ася?

— Я, — ответила Вера.

Тамара пошла к углу. Она шла по такой полоске двора, откуда обычно не видно, что человек уходит. До последнего всматривалась в стекло клуба. У самой калитки остановилась, дождалась, пока грузовик закончит поворот, и двинулась дальше. Вера не стала звать. Когда Вера и Ася отступили на крыльцо, Ася протянула ей половину остывшего пирожка и вдруг сама отломила ещё кусок, чтобы мать не могла ничего оставить ей обратно.

Глава 4. На обороте

В понедельник в девять утра Веру разбудил звонок в дверь. Она накинула халат, подняла с пола незаконченный рукав и сунула его под раскроенное пальто. В пальто лежала записка, которую прежде она оттуда переложить не решалась. Вера спрятала её в карман халата, прямо поверх двух поломанных булавок. В дверях обнаружилась Галина из нижней квартиры. Волосы она кое-как перевязала платком с ромашками.

— Заходи, — сказала Вера.

— Ты сначала мне скажи, где она сейчас.

— В клубе. Оставили до выяснения.

— А где нашли?

— Там же.

Галина покачала головой. Обдумывая новую неприятность, она всегда ставила руки в бока, а правый локоть отводила чуть в сторону.

— Я твою табуретку утром занесла в подъезд, — сказала Галина. — Её за общую брали. Я и говорю, кто сказал общая. Степан при мне нёс.

— Степана я и просила.

— Ну, значит, ты. Пойдём, покажешь, что есть.

Вера пустила её к чайнику. Вместо стола с машинкой у стены лежал коврик, сложенный пополам. Из-под него торчала щепка, которой Вера подпирала одну ножку. Когда Галина взглянула на угол, Вера подобрала щепку и положила в карман. Булавки коротко впились в палец.

— Ты не про Лену, я надеюсь, — сказала Вера, забирая у неё кружку.

— Уже не про Лену?

Вера замерла над чайником. И правда: зачем ей опять стоять так, будто однажды сказанное при Галине можно было вертеть, пока оно не примет удобную форму.

— Уже. Но я ей должна сначала сама сказать.

— Мне скажи. Я тут стою.

Вера повернулась. Галина держала руки свободно, без кружки и без распорядка. Она спросила без особого интереса к самой Лене, но ей было важно, что говорят у неё при дверях.

— Я тогда выразилась так, будто Лена взяла ключ. Я того не видела и ничего про ключ сказать не могу. Зря тебя просила при ней дверь не держать.

— В следующий раз сама откроешь ей дверь и спросишь, — сказала Галина. — Я тогда при ней промолчала, потому что тебе поверила.

Вера подала кружку. Галина взяла, но пить не начала. Сдвинула блюдце и углядела рисунок на бумаге, которая лежала у чайника.

— Это они? — спросила она.

Вера показала программу. Галина долго смотрела на кусок машинки в нижнем углу. Потом повернула бумагу так, чтобы увидеть часть печатного списка, и прочла вслух «Складчина». На вычеркнутом третьем призе задержалась.

— Такой программы у меня не было. А вот это было. Я резала.

Галина положила указательный палец на рисунок, пальцем закрыла обломанный угол стола.

— У них в объявлении всё это вместе стояло. Программа твоя помельче, а там в два пальца было. На всю ширину. Если у меня Надька не выкинула, найду.

Они спустились вместе. На Галининой площадке стояло ведро под трубой. Из-за двери выглядывал край Вериной табуретки в мешке. Вера могла бы забрать её сразу, но Галина сказала, что Степан ещё заменит один гвоздь.

Галина вошла в кухню, отклеила изнутри от дверцы лист с телефоном сына и открыла шкаф. На верхней полке в деревянных рамках стояли три фотографии, остальное занимали крышки от банок и записки. Над всеми крышками она когда-то прикрепила банку из-под конфет с прорезью. Когда хотела оставить кому-нибудь записку из другой комнаты, складывала пополам и просовывала внутрь. Вера сколько раз приходила к ней, ни разу не видела, чтобы Галина пыталась достать записку сквозь прорезь. Стоило поднять крышку, становилась видна и рука, и то, что рука ищет.

— Нади сегодня не будет?

— Сегодня поздно. Она тут ещё на обороте писала, где мои банки. Будет тяжело читать.

На обрезанной первой полосе от названия «Торговая неделя» осталась нижняя половина букв. Под ним целиком уместилось «Пенза». Ниже стояла дата: пятница, 6 сентября 1996 года. Галина вытащила полосу из пачки за угол. Половину лицевой стороны закрывало объявление с бледной рамкой. Над словом «Складчина» стоял призовой стол. Вера наклонила полосу к окну. Скол был крупный и кончался тем самым зубом. Круглым был прогиб, а за ним открывался узкий белый след. На снимке ясно проступали доски, которые у Веры шли от окна к двери, и низ батареи. На табуретке был край тряпки, которой она с утра протирала стол. В программу снимок попал уже без табуретки.

— Это дома сняли, — сказала Вера.

Галина взяла бумагу обеими руками, посмотрела внимательнее.

— Тебе надо знать, раньше ли вырезала?

— Раньше двадцать второго.

Галина перевернула лист. Между объявлениями о покупке комнат и о поставке щебня стояли две записи зелёным карандашом. Первая, «три банки, три крышки», шла вверх к краю. Ниже та же рука вывела «14-го, Мишке». Галина повела пальцем до крайней цифры и вытащила из коробки бумажный ярлычок из ремонта. Над ценой тем же зелёным карандашом была поставлена галочка.

— Надька в тот день забрала Мишкины ботинки из ремонта. Мы его в субботу на дачу собирали. Вот я ей и написала на газете про банки. Она вечно рвёт бумажки, а тут была картинка, говорит, оставь, вдруг съездим посмотреть.

Вера посчитала. Записка с банками стояла на обороте фотографии, а Галина про скол узнала от неё только сейчас. Вера убрала пальцы, чтобы не загнуть дату.

— Ты газету тогда покупала?

— Из нашего ящика. Я объявления резала и с Надькой прикидывала, будет ли ехать. Если бы у них цену на билет указали, я бы отнесла. А она сказала, за мой проезд денег жалко.

— Я возьму показать?

— Сначала прочти, вдруг у тебя такой же выпуск найдётся. Вот видишь, угол серый. Я могла его испортить, когда цветок на батарею ставила. Тебе потом скажут, подливала.

Галина показала, где сложила большие листы. На соседней половине продолжался тот же столбец объявлений. Вера вложила программу в этот сгиб. Снимки легли один на другой. Они были разной величины, зато чёрная полоса у табуретки и зуб на краю столешницы встречались в одном месте. Это была домашняя фотография, появившаяся в рекламе.

— У Лены тоже должно было остаться, — сказала Галина. — Она тогда что-то про Филатову вырезала. Ей нужна была и выкройка, и какая-то подработка. Спрашивала, есть ли у меня свободный лист. Только про машинку мы с ней тогда не говорили.

Вера положила полосы на стол.

— Я приду позже с конвертом. Ничего к этому не складывай.

Галина протянула ей половину чистого пакета из верхнего ящика.

— У меня ещё два. Лучше сразу. А то шагов до дома три, и все ошибёшься.

Пакет оказался короток. Они вместе держали газету горизонтально, подогнули пустое поле, и Галина пальцами придержала рот пакета. Когда Вера поднималась наверх, под дверью опять стояло пустое ведро. Она перешагнула и не уронила бумагу.

Дома Вера убрала газету на широкий стол. На пороге комнаты задержалась, посмотрела на чемодан для Лениной обуви, оставшийся от школьных поездок Аси. Когда вынесли машинку, этого пустого места за чемоданом ещё не было. Она положила поперёк него пальто для клиентки, чтобы прикрыть голые доски. Сейчас пальто ждало на столе. Вера вынула из кармана записку об оценке и положила её рядом с газетой. Пока никто другой не видел этих листов вместе. Она сложила оба в пакет.

Глава 5. Вперёд иголку

У Филатовой под столом стояли три пары ботинок. Лена сперва подумала, что сюда приходили заниматься трое других, и лишние два часа ей пообещали по ошибке. Потом увидела на всех трёх подошвах одну и ту же широкую лиловую полоску клея. Примерила длину ладони, подошвы с одной стороны были словно рука к руке. Сама Маргарита собралась носить их до дыр, причём все сразу.

— Подпиши, какие тебе дали, — сказала она.

Лена глянула на свои туфли. Туфли пока были у неё в сумке.

— Ими пользоваться?

— Ботинками я сама пользуюсь. На ножницах белая лента, они твои до четверга. Если дашь кому — скажи мне. Я бы не хотела опять бегать за ножницами по всему городу, а потом узнавать, что их Мишка у мамы резать железо попросил.

Она раскрыла шкаф. На средней полке свисала кромка пальтовой ткани. У дальней стены стоял стол, сложенный узкой книжкой. От тёмной крышки чуть отбили угол; Маргарита перевернула сложенный стол, чтобы угол остался внутри, и спросила, может ли Лена его приподнять.

— Только с переднего края. Я сверху придержу. Под ножкой гайка, смотри не урони.

Лена поставила сумку к дверям, на одно плечо было легче поднимать. Подняла. Под тяжестью столешницы книжка поехала ногами, Маргарита успела остановить коленом, и дальше у них пошло легче. Когда они поставили стол полноразмерно, оказалось, что к нему можно подойти с трёх сторон, не задевая машинку. У Лены дома был один стол, у стены, за которым сначала ели все, а после она подшивала рукава. Она плотнее задвинула ножку сюда и только тогда посмотрела, где Маргарита себя оставила.

— Так мне будет видно, как ты берёшь работу, — объяснила Маргарита. — Не как шьёшь, это я знаю. Кто приходить будет?

— Две школьницы. И мама с юбкой, с которой я ещё не начала.

— Ты сколько записала?

— Обещала, если получится, сказать.

— Запиши сумму раньше. Школьнице деньги дают ровно на то, о чём договорились. Пока мать на работе, она домой за ними не сбегает.

Лена расстегнула сумку, достала тетрадь. Внутрь была засунута почти целая газетная полоса. На обороте напечатали условия аренды помещений, а ниже Филатова от руки вытянула два столбца времени и между ними поставила Ленину букву. Лена показала. Маргарита сразу прочла надпись вверх ногами.

— Пока пробуем. Могу оставить тебе место дольше, если сама найдёшь, кому шить. Первый месяц платишь только за вечера. Второй обсудим, когда узнаю, кто приходит по утрам.

— А кто-то спрашивал?

Маргарита поправила край пальтовой ткани в шкафу. Сверху встал тонкий футляр, торчал клювом. Она задвинула его, повернула ключ и вытерла пальцы друг о друга.

— Я скажу прямо. Ко мне приходила женщина из твоего дома. Мы обе её знаем. Привела для подшивки брюки. Спросила, ставить вещь в комнату или дождаться, пока я выйду, потому что ключи у нас теперь одна и та же девочка держит. Я сказала, у девочки фамилия Земцова, у комнаты хозяйка Филатова, ключи я даже брату не даю без спроса. Она взяла брюки назад. Спросила, откуда я так взвилась. Я ответила: с меня бы начали, если пропадёт. Удобно ей стало — ушла.

— Брюки серые были?

— На брюки не смотрела. Она их даже из пакета не вынула, с порога спросила. Ты ей уже мерила?

Лена достала из сумки нитки. Дома мать сказала, что если кто угодно может оставить вещь у раскроя, так оно и будет, пока люди не решат, что Лене можно оставить только собственную тетрадь. Как заработать за тетрадь, мать не придумала. На том и разошлись: Зоя ушла подменять заболевшую продавщицу, Лена положила мелки, натёрла потёртые края сумки тряпкой.

— Попросили укоротить, — ответила она. — Я их уже мерила. Она приходила не одна. С девочкой, которая смотрела, как делается шов.

— Ты сделай начало вперёд иголку. Так спокойнее, когда долго не можешь договориться, где заканчивается. И выведи ей одну строчку с первой примерки. Раз уж один раз давала, пусть решает при тебе, что и где.

Маргарита села у другого стола, взяла пыльный чехол из угла и подтянула под себя. По чехлу прошёл шум, похожий на смятую бумагу. Лена представила два одинаковых рисунка. В газетной полосе про аренду угла с машинкой не было. Угол оказался на отрезанной полоске рекламы, которую Лена взяла про запас к себе в папку, попросила в газетном ящике ещё две такие же и в одной нашла объявление Маргариты. Сначала ей казалось, смешно получилось: вырезала «заработок для умелых рук», а ниже как раз написано, сколько за неделю нанимают стол. Дело оказалось в готовности позвонить и прийти, а не в том, сколько денег в слове «заработок». Маргарита их ждала: сказала, пока место свободно, надо хотя бы одно время забрать себе.

— Вы помните, когда мы эту бумажку писали? — спросила Лена.

— В субботу после первого звонка. Подожди, у меня в тетрадке должно быть.

Маргарита нашла дату: суббота, четырнадцатое. В той же тетрадке рядом стояли два телефонных номера, её прежняя помощница уезжала и оставила оба. Лена прикинула. Вера в тот день ещё шила на машинке, звала Лену подхватить рукав, когда придумает как.

— Я до дома схожу и кусочек принесу, — сказала она. — Не стирайте остаток.

— Из-за машинки теперь понадобилось?

— Я ей ещё не говорила про газету. Сперва хотела за расчётом к ней сходить, — сказала Лена.

Маргарита оглядела проход, где держала свои ботинки. Лена представила, как двое выносят стол по их узкой лестнице и сколько раз успевают сказать «придержи». У Маргариты соседи всё время заходили утюг попросить или переставить с прохода комнатный цветок. У Веры до пропажи достаточно было оставить открытой дверь на площадку, чтобы Лена сразу втягивалась в работу.

— Дай ей время, — сказала Маргарита, глядя на ножницы с ленточкой. — Но своё не отдавай. Она может с тобой месяц советоваться и потом сказать, что распорядилась ещё летом. Знаю по себе.

Лена потянула через первую петлю белую нитку, оставила иголку рядом с образцом. Маргарита положила на стол два мелка, тёмный и белый. Белый уже треснул поперёк. Лена сгребла мелки в свою коробку, ножницы подала Маргарите.

— Сегодня третья пара высохла, — сказала она.

Маргарита удивлённо посмотрела на свои ботинки. Согнула большой палец, сравнила одну подошву, потом вторую. Глянула на Лену без улыбки, но что-то у рта отодвинулось.

— Так дети при виде чистой обуви от меня убегали. Давай ещё не расставайся с ножницами, пока мы тут обе.

Лена вернулась к своему столу. Взяла ножницы, примерила к руке. Она раньше у Веры тоже брала инструмент из рук. Там сразу следом появлялась другая работа. Здесь она успела разжать пальцы, положить ножницы на край стола и взять их только когда понадобилось. Позже

пришла школьница с юбкой. Лена сказала ей пятнадцать тысяч и только потом подумала, что следовало бы назвать больше. Девочка протянула сложенную бумажку от матери. Написано было двадцать. Лена взяла бумажку, рассмотрела юбку и впервые при заказчице записала, за что именно возьмёт деньги.

Глава 6. Снимок для оценки

У фотографа Вадима Печкина в мастерской стояла широкая деревянная рама. На снимке были мальчик в новой гимнастёрке и отец в майке с котёнком на руках. Стекло сняли, и у отпечатка на свету загибался угол.

Печкин сидел за перегородкой. Там было видно его ноги, одну в ботинке, другую в сером носке. Когда Вера кашлянула, он отодвинул табурет и высунул руку.

— Подождите, не уходите, я тут обуться не могу. Сверху на ящике положите, раз принесли.

Вера не положила. Стала у перегородки, где под ней тянулся широкий просвет, и дождалась, пока он сам выйдет. Ботинок у него со шнурком, два конца висели почти до пола. На рубашке с той стороны, где он тогда рвал нитку зубами, пуговица так и оставалась чёрной. Другие были тёмно-синие.

— Вспомнили меня?

— Вы мне пуговицу пришили. Что тут вспоминать. Вы к Нине должны.

— Сначала посмотрим снимок, — сказала Вера.

Она положила программу на узкий край прилавка, сверху газетную полосу. Печкин взял обе. Держал прямо перед собой, чуть расставив локти. На программу он посмотрел дольше, чем на старый номер.

— Тут я неправильно обрезал, — сказал он. — Если бы справа оставил место, лучше бы смотрелось. Где у вас второй? Вы мне сколько таких можете принести?

— Значит, знали про объявление?

— Объявление я и делал. Человек привёз список, говорит, здесь у них восемь штук, в номер не входит. Какие поменьше, отберите.

— Какой человек?

Он вынул из-под прилавка блюдце, сдвинул его ближе к ней. На блюдце лежал ключик, сверху кусок бумажной салфетки тёмного цвета.

— Кто деньги принёс. Резников.

— Кто вас просил снять это у меня дома?

— Нина. Сказала, на оценку. Я с ней так раньше ходил. Мы объездили в тот день лестниц пять, я на двух плёнках снимал и ещё берег на понедельник. Вы мне одеяло предложили подложить, чтобы от окна света поменьше было. Я подумал, вы и впрямь хотите продать, лишь бы угол выглядел хорошо.

— Мне про объявление никто не говорил.

Печкин положил старый номер поверх программы. Долго подтягивал их края друг к другу, пока не выровнялись. Из-за перегородки выглянул мужчина с покрасневшими глазами и попросил, чтобы он отдал ему снимок дочки до пятницы, а он любую цену примет. Печкин поманил его рукой, отдал ключик с блюдца.

— Верхний конверт твой. Другие не трогай, я сейчас.

Мужчина пропал за перегородкой. Печкин провёл ладонью по краю прилавка.

— Так вышло, — сказал он Вере. — Один отпечаток я оставил у Нины, другой был у нас в пачке. Резников утром принёс заказ. Принёс с фотографиями, какие-то его, мои три. Что было у него под рукой, то и дали. Я решил, Нина уже договорилась.

— До ответа моего решили?

— Мне ваш ответ передала Нина. Она хоть слово вам сказала о магазине?

Вера помнила, что Нина говорила об одном покупателе. Деньги привезёт хоть назавтра, а если надо подождать, тогда скажем ему: приходи в воскресенье, поглядишь в полдень. Вера могла бы позвать Тамару к тому часу. Сестре она так и не позвонила.

— Хотели покупателя показать. На воскресенье, двадцать второго. Он бы у меня посмотрел, потом я решала. Вы его видели?

— Я снимаю. Потом с вещами ко мне приходят через день, через неделю. Откуда я знаю, когда кто куда ходит.

— Я вам покажу, как различить, — сказала Вера. Она приподняла газету и посмотрела, нет ли на ней следов. — Видно всё, что на полу. А вот из программы вы убрали кусок.

— Не из-за пола. Так в неё влезло.

Он взялся показать, в какой стороне следовало держать картинку. Вера подалась вперёд. Печкин резко отпустил лист. Под прилавком хрустнули картонные коробки. Печкин нагнулся, вытащил одну, поставил рядом с бутылочкой клея. На дне лежало пять снимков торгового прилавка и человек в плаще у сломанного рычага мясорубки. Мужчина, который оживил Печкина просьбой про дочку, увидел снимок в коробке, помедлил возле перегородки, но сразу ушёл с конвертом под пальто.

— Вот от какого заказа, — сказал Печкин. — Там четыре вещи с лапками. Одна просто шинкует, остальные со стойками. Я за них получил сто двадцать. За ваш — ничего. Работу забирали вместе.

Вера посмотрела, как он достаёт фото. У мясорубки были две ручки рядом. На большом снимке это выглядело почти как два человека, которые хотят удержать один рычаг и по очереди отступают. На одном снимке из-под стойки торчала косая надпись на белой бирке. На другом человек в плаще вышел, но из-за стойки виднелась рука. Печкин вытащил ещё два.

— Что тут вам? — спросил он. — Снимайте, что нужно брать.

— Хочу увидеть свой.

— В коробке нет. Я показывал бы, если бы лежал.

— От объявления оставалось что-нибудь?

Он вытянул из коробки всю пачку. Снимки перемежались прямоугольными листками с крупными ценами. На одном стояло «машинка на столе, угол слева». Внизу крупно написали двести восемьдесят тысяч.

— Кто писал? — спросила она.

— Я. Нина просила сразу положить по листку рядом с каждым снимком. Чтобы один и тот же шкаф не приходилось три раза таскать на показ.

— Шкафы вы тоже снимали?

— Шкафы, велосипеды. Вот угол у вас я записал, пока помнил. У нас с Ниной условие было: без марки и приметы она снимки не забирала.

— А если хозяин в конце передумает?

— Отдаст снимок. Снимет объявление. У них сначала была другая машинка в списке, с педалью на проводе. Я ей место оставил. Резников говорит: давай лучше с этим большим столом, на сцене её видно.

Вера вынула из пакета лист об оценке. Там тоже стояло двести восемьдесят тысяч, «к продаже по согласию владелицы». Она знала, что за эту сумму целую электрическую едва найдёт. Ей как раз обещали помочь посмотреть, что лежит на других отпечатках, если захочет обмен.

— Кто знал, что я думаю? — спросила она. — Вы Нине ведь сказали.

Печкин протянул руку. Вера не выпустила бумагу. Он убрал руку, нахмурился.

— Нина знает. Для объявления мне принесли список. Вам, выходит, дали три недели подумать.

— Объявление вышло шестого.

Он ещё раз посмотрел на срезанную верхушку газетной полосы. Потом перевернул маленький лист. Возле нижнего края стёрлась первая буква, но осталось «к двадцать второму».

— Это чтобы карточку не искать раньше времени. Нина попросила, чтобы столько и лежал снимок, если нужен человеку с деньгами.

— Он двадцать второго к вам приходил?

— Ко мне нет. Мне брат иногда приносит заказы, но в воскресенье он с утра шёл за билетами сюда, потом уже куда хотел. Попросить его, что ли, посмотреть?

— Попросите. Пусть скажет, кого видел.

Печкин закрыл коробку и тут же открыл. Вынул фотографию мясорубки с белой биркой, поставил к раме. Издали снова было видно обе её ручки.

За дверью поздоровались. К прилавку подошёл седой мужчина с папкой для бумаги. Он шёл боком, чтобы из кармана не выпала сложенная тряпка. Печкин отодвинул коробку к батарее. Мужчина сложил два пакета возле образца со снимком, спросил, кто следующий. Вера подняла палец, показала, что уже всё.

— Мои к вам домой второй раз не ходили, — сказал Печкин. — С кем договорились, я по виду не угадаю.

Вера собрала свои бумаги. Перед дверью она увидела на вешалке две куртки, детскую и взрослую. Рукав детской достал до полки с рамой. В комнате у Веры похожим образом тянуло сырой тканью в то утро, когда снимали машинку. Ремень фотоаппарата лежал у Вадима на запястье, Нина держала обе ручки сумки. Тогда Вера могла взять карточку и прочесть, кому это понадобится. Теперь за ту же работу уже следовало просить у человека новую копию. Она вернулась к прилавку.

— Сделайте мне потом копию бумажки про машину. Заплачу отдельно.

— Я вам так перепишу, если можно. Что моя помета, сам скажу.

Печкин отрезал от большого листа тонкую полосу. Вера снова увидела двадцать второе. Оно стояло и у неё дома. Выше она за несколько дней обвела лекарство для заказчицы, а под воскресеньем вывела «сшить рукава». Теперь рядом оказалось место и для Печкина. Про его работу знала Нина, за объявление платил Резников. Кто из них уже тогда решил, что можно ждать от Веры до двадцать второго, а объявление выпустить сразу, он и сам не различал.

Глава 7. До кольца

На середине ведомости остался круг от чашки. Под ведомостью лежал ещё один лист, загнутый с нижнего края. Сапожников сидел в бывшей операторской при клубе и подсчитывал, сколько мелких призов ещё не выдали. Вера остановилась над кругом.

— Это с воскресенья?

— Эта бумага с воскресенья. Кружка стоит с утра, — отозвался он.

Он вынул из коробки ластик, покрутил его вокруг своего большого пальца и убрал. В другой руке держал две коротких бумажки с подведёнными итогами. Старый шкаф над ним не закрывался: в щель дверцы был вставлен край зелёного фартука. Вера подумала, что долго ему работать с фартуком, пока тот сам не окажется в одной из ведомостей.

— Вы мне сказали не расписываться за получение, — начала она. — Как в итоге записали?

— Получения нет. Машина осталась у Дины. Эти листки только про чайники, одеяла и часы.

— Триста семнадцатый вы там где-нибудь видели?

Сапожников перестал крутить листок. На короткой бумажке была сумма с шестеркой, перечёркнутой двумя маленькими палочками. На другой та же сумма, только без шестерки. Вера скосила глаза на вторую графу, потом снова спросила про билет. Сапожников положил обе бумажки на край ведомости.

— Я вас выслушал на сцене. Повторять не надо.

— Я про то, когда его записали. Вы ведь подошли к столу, прежде чем я успела назвать фамилию.

Он подошёл к шкафу, прижал дверцу и вытянул фартук. Дверца осталась чуть открытой, сквозь неё торчали три картонные папки. Сапожников сложил фартук на стуле.

— Номера по порядку. До трёхсот сорока восьми. В четвёртом ряду — пустые.

— Кто на моём билете знал фамилию?

— Ушла Дина. Сейчас я доделаю, разберём, как писали у входа.

— Я у неё видела лист. Там дочь. А моё имя было. Кому она его должна была сообщить?

Он сунул голову в шкаф. Оттуда было слышно, как по полке поехало дерево. Вера подняла газетный лоскут, спрятала раньше, чем Сапожников снова обернулся.

— Вам товар кто предложил? — спросил он.

— Резников объявил.

— Ещё кто?

— Нина принесла расчёт. Решали, я буду продавать или как.

— Решили?

— Я ждала. Она сказала, мужчина зайдёт посмотреть.

Щель дверцы стала шире. Сапожников вспомнил про фартук, встал, держась за полку, и зажал его на прежнем месте. На светлом полотне сбоку проступило имя «Дина».

— Нам скажут расценку, когда уже дотащили, — сказал он. — А потом выходит, будто я сам вызвался тащить. Вам бумажку на сколько выписали?

Вера показала. Сапожников сперва прочёл слово «по согласию». Потом остриём ногтя посчитал знак за знаком, сколько раз в строке стоит цифра один. Вера и раньше знала, как выглядит человек, у которого сейчас всё равно найдут одну лишнюю единицу. Ей в цеху каждый аванс начинался с такого подсчёта.

— За билет люди платят при покупке, — сказал он. — На входе надрывают. Вы по ходу розыгрыша были в зале, до начала тоже?

— Я сидела. Ящик на входе видела.

Хлопнула входная дверь. Сапожников сунул под шкаф ногу и наклонился в сторону дверного проёма. Дина прошла по коридору со складным подносом и пустой белой миской. Над миской встряхивался чайник.

— Да нельзя ж так, — говорила она кому-то за спиной. — На одно место двух людей обещали ещё когда стол был один. Вы кого предупреждаете?

Из коридора ответили без слов, стукнули ногой по порогу. Дина поставила чайник на угол прилавка, развязала конец фартука и обнаружила, что рукав Сапожникова уже зажат под дверцей. Дверца качнулась. Сапожников вытащил руку, придержал чайник.

— Я вам кто, гардероб? — спросила она Веру.

— При Резникове вы имена записывали?

Дина возилась с фартуком. Один конец раньше, чем она успела его перекинуть, ударил по шкафу.

— Мы записывали тех, кому крючков не хватило. Тетрадь в холле, и заглянуть мог каждый. Вы у Резникова спросите, раз дочь говорит, что ему фамилию не называла.

— Куда он ушёл?

— В лавку за выручкой, — сказала Дина. — Пока дадут, открывать уже пора. Мне самой ещё ползала прибирать.

Вера оглянулась на Сапожникова. Он сдвинул кружку. Ведомость освобождалась, и две узкие бумажки, которые он отворачивал, стали видны. Одна была написана в колонку, семь цифр, снизу подведено. Другая была вырезана из какого-то розового листка. Возле сгиба стояло «317», дальше — кусок следующего слова, «Ве». Вера прижала пальцем верх.

— Это чьё?

Сапожников взял нижний край. Вера не успела прочесть, куда перед цифрой уходила строка. Здесь было широкое «е», на строке о хранении он писал мелко, почти не оставляя просвета.

— Так быстрее найти, — сказал он. — Перед вызовом помечают.

— Как перед вызовом, если из ящика вытаскивают?

— До того, как к вам обратились, могли записать. Сначала объявили цифру, потом вы подошли.

— Я к сцене сразу пошла, — сказала Вера. — Девочка рядом только ноги подобрала. Когда подошла, он уже знал, как меня зовут.

— Я не Резников, — сказал Сапожников.

— Вот и покажите мне свой лист.

За дверью Дина коротко цыкнула, кого-то пустила в проход. Сапожников в самом деле отдал бумажку Вере, только место ему всё ещё пришлось придерживать ногтем, чтобы она не порвалась на сгибе. «Ве» стояло краем, дальше на обороте виднелась часть столбца «выдано». Саму цифру 317 пересекала полоска, проведённая цветной ручкой от края до края. Начала слова могло хватить на «Вера», а могло на «вещь». У Веры сразу прошла охота показывать бумажку Дине, но Дина уже подошла.

— Потрёпанный, — сказала она. — На чистый больше не понадобился. И что?

— Я хочу знать, когда писали мой номер.

Дина махнула рукой на низкий ящик в углу. На боках выцвела белая краска, крышки не было. Вера заглянула. На дне лежало кольцо от трубы, достаточно широкое, чтобы с обеих сторон в него пролезла взрослая рука.

— Это их ящик? — спросила она.

— Барабан со сцены уже забрали. Дай неделю, с него кухонное ведро сделают. В этот бросали то, что оторвали у двери. Потом пересыпали в барабан. Ваше «ве» они могли написать, пока микрофон включали, а то и раньше.

Сапожников взял листок обратно.

— Если вам надо узнать, какой билет когда туда попал, спросите девушку, которая продавала, — сказал он. — Я на входе другим занимался.

За окном женщина стала закрывать крыльцо доской, чтобы не навалило листьев на ступеньки. Вера понимала, что её выводят из операторской без крика и что никто прямо не отказывался ей отвечать. Она взяла со стола свой пакет, подтянула отворот.

— Он ведь вернётся? — спросила она.

— У вас будут спрашивать то, что видели, — ответил Сапожников. — Я это лучше за вас не расскажу.

Дина закрыла шкаф и снова раскрыла. С зелёным фартуком дверь сидела лучше, без него ходила свободно. Дина вложила в щель маленький лист картона. Сапожников оставил на столе обе бумажки и вышел покурить. Вера с Диной молча посмотрели вслед. Потом Дина сходила за разболтанным стулом, села напротив Веры.

— Меня попросили досыпать в барабан те корешки, которые лежали у входа в ящике, — сказала она. — Я туда и пошла. В зале уже назвали вашу цифру. Кто до меня брал, не видела. С моей стороны весь аппарат занавес загораживал.

Вера достала из пакета газету. Дина пропустила мимо себя какой-то бухгалтерский лист и подула на его угол.

— Перепишу тебе с моей, — сказала она. — Ту бумагу, где я расписывалась за хранение. Кто к тебе домой приходил, лучше других знать будет тот, кого дома видели. Ты про кого с Елецким говорила?

— С Леной могу.

— Тогда сначала иди сама.

Сапожников стоял под окном. Пепел с сигареты падал на серую трубу и летел дальше, к земле. Вера прошла мимо. «Перед вызовом», сказал он. Пока Дина шла к входу за ящиком, у микрофона уже знали Верино имя. Вера ещё не знала, кто передал его ведущему. Зато теперь знала, кому стоило показать вырезку и спросить, кто был в её доме.

Глава 8. Два мелка

Девочка, которой Лена сужала юбку, всё время норовила повернуться к зеркалу. Тогда одна сторона у неё становилась короче, и девочка спрашивала, можно ли оставить именно так.

— Можно, — сказала Лена. — Тогда и стоять будешь всё время на одной ноге.

Девочка захихикала. Её мать рассердилась: она торопилась на работу, а тут свою юбку шили чуть ли не третий раз. Лена попятилась с мелком за перегородку, достала лист, на котором мать сама отмечала, насколько следует заузить юбку у колен. Третий раз получался первый, если не считать возвращения той ширины, которую сперва просили убрать. Но можно было обойтись без такого подсчёта. Лена спросила, успеет ли девочка присесть хотя бы один раз.

Девочка присела. Заколотые сзади складки натянулись.

— Так ещё куда ни шло, — сказала мать. — Только она у меня на большой перемене бегает.

— Снимай. Мама вышла? — спросила Лена у девочки. — Тогда через голову. Только голову береги, там булавки.

Пока они обе надевали сапоги, Лена проводила одну высокую черту и две покороче. Восемь тысяч ей уже оставили. Оставалось ещё двенадцать, «как получится». Маргарита Филатова, дававшая ей здесь два утра в неделю, сказала написать на бумаге цену и не гадать, что имелось в виду. Лена написала на обороте выкройки и выставила рядом с дверью миску с конфетами. Девочка отыскала в миске две одинаковые и положила одну матери в карман. Мать застегнула карман раньше, чем вышла.

Лена вернулась к столу. Ей была нужна старая газетная полоса, чтобы отделить выкройку от чужого сукна. Она взялась за угол, но входная дверь ещё раз скрипнула. В проходе поставили корзинку с мотком бельевой верёвки. Вслед за ней появилась Вера Андреевна в своей коричневой куртке. Плечи подняты, руки в карманах. На молнии два кусочка разной нитки. Один привязала Лена, другой оставался там с весны, когда Вера объясняла, отчего сломанную молнию иной раз лучше не менять. Пальцами крошечный язычок дольше ищешь, за шнурок дёрнешь — и всё.

— Я подожду, — сказала Вера Андреевна.

— Уже всё.

Лена отложила мелок и сунула руки под стол. Они сразу собрались в кулаки, хотя она собиралась просто поискать полотенце.

— Ты обедаешь?

— Уже обедала.

— На эти деньги не пообедаешь, — сказала Вера Андреевна, кивнув на цену у двери.

Вера и сама не улыбнулась. Она поставила корзинку вдоль стены, сняла куртку и начала искать крючок. Крючок был только над обувью, куда Маргарита велела гостям ничего не вешать. Лена придвинула стул. Вера встряхнула куртку и положила её на спинку. Из кармана вывалился леденец в мятом фантике.

— Теперь посетители, — сказала Лена. — Я скоро освобожусь. Или вы на минуту?

— На минуту. Машинку нашли.

— Я слышала.

— От кого?

— От той женщины, которой в воскресенье не достался чайник. Она присела у мамы в магазине, пока сдачу искали. Сказала, что если бы все взялись узнавать свои вещи, ни одного приза с того воскресенья бы не унесли.

Вера села на край стула поверх спущенного рукава. У Веры был карман на локте, и сейчас он упирался ей в бок. Лена могла бы сказать, что это неудобно. Но Вера и сама знала, в каком месте у неё карман.

— Маргарита дома?

— Через час подойдёт.

— Зайду к ней.

— Из-за меня?

— Из-за тебя.

Вера взялась за конец верёвки в корзинке. Конец распускался, она стала накручивать на него нитку из верхнего слоя, соображая, как та легла. Лена видела, что ни черта это не поможет: середина верёвки на сгибах сама собой проскакивала между витками. Крючка для неё тоже не было, а корзинка стояла тут не потому, что её везли по делу.

— Я маме сказала, что к вам больше ходить не буду. Она спросила, сможете ли вы мне дать расчёт за сентябрь. Маргарита говорит, чтоб я сходила и спросила сама. Вы за этим пришли?

— За этим тоже. Деньги тут.

Вера распустила моток до середины, под ним лежал плоский белый конверт.

— Чего вы его закрыли?

— В куртке карман порвался. Думала, здесь не выпадет.

Вера потянула за клапан. Вера умела поддевать иглой шёлк, чтобы не затронуть ни одной соседней нити, а сейчас порвала бумагу вдоль одного края. Вынула сложенный лист, прочла с него стоимость двух курток и подшивки пальто. Внизу приписала то, сколько Вера считала за Ленины примерки, и отдельно двадцать за то, что Лена отвезла пальто с утра заказчице. Лена помнила автобус, который ушёл, будто перед ней успели затворить дверь. Двадцать тысяч за дорогу ей сейчас были нужны. Она перестала смотреть на Верину руку.

— Пальто я шила вместе с вами. Там первый рукав пришлось ещё целиком отпороть.

— Учла.

— Я тоже. Осталось за нагрудный карман, его делала одна.

Вера Андреевна потёрла пальцем лист. Выровняла его относительно стола и подвинула к Лене.

— Напиши сама.

Лена и вправду написала. Три тысячи за карман. Вера отсчитала их из другого кармана куртки. В кармане у локтя осталась только конфетная крошка.

— Всё? — сказала Лена.

— Нет. Я зашла сказать, что про ключ выдумала.

По улице мимо окон прокатили тележку. Кто-то закашлялся и не мог остановиться, пока колёса стучали по щербинам асфальта. Входная дверь качнулась, задела корзинку. Лена отнесла её дальше к окну.

— Мне сегодня уже один раз про ключ напомнили. Что же вы тогда маме не сказали?

— Побоялась, что она спросит, кого я пустила последним.

— Спросила бы.

— Был осмотр. Нина приводила фотографа. Ася знала, где ключ, я месяц обещала с ней его перепрятать. Ты тоже знала. Я подумала, что если про тебя...

— Вы ещё когда за сумкой вышли сказали: пусть принесёт ключ и мы разойдёмся по-хорошему. Соседка тогда сама дверь прикрыла. Узнавайте у неё, зачем.

Вера приподняла рукав куртки, который лежал между ней и стулом. Подобрала и больше не сидела на нём.

— Галине сказала в понедельник. Внучку тоже найду.

— У неё уже две внучки. Одна у меня подшивала юбки для танцев. Вчера принесла одну и спросила, не потеряется ли у меня. Будете искать внучку?

— Где обычно бывает?

Лена села за край стола. С этого места она видела половину прохода и не могла различить, кто там замедлил шаг. Она уже месяц не сидела, пока говорила с Верой. Так получалось само: если Вера собирала заказ, Лена держала упаковку, если расстилала работу, Лена стояла сбоку. Сейчас Вера осталась на стуле, хотя локтем ни до чего бы не дотянулась.

— Если я отвечу, вы про ключ скажете? — спросила Лена.

— Я в любом случае скажу. Вот мама твоя будет до скольких?

— В четыре приходит сменщица. Допишите, за что заплатили, мама захочет прочесть. Ей скажите первой.

Вера опять подвинула к себе лист. Лена дождалась, пока под её тремя тысячами появится Верино имя. Теперь обе отметили одну и ту же работу, и никто пока ничего не сказал о будущей.

— Когда ты в воскресенье зашла домой? — спросила Вера.

— В первый раз или второй?

Вера отняла руку от листа.

— А ты два раза, оказывается.

— Первый раз я несла вместо шестисот пуговиц четыреста. Вы хотели сами пересчитать, Ася сказала, что вам некогда и она передаст. Второй раз я несла ей журнал, который обещала. Дверь уже держал парень.

— Какой?

— Я привыкла говорить «здравствуйте» в вашем доме. Он мне того же не сказал. Пальцы высунул с одной стороны двери и держал ими створку. Я ещё подумала, что ему прищемит, если по лестнице побегут.

— В прихожей или внизу?

— Вы бы домой сходили и встали в дверях. Парень был внизу, смотрел на площадку. Меня пропустил, но не придержал дверь с другой стороны. Когда я поднималась, там по ступеням что-то стучало. На втором этаже заглянула вниз, он дверь уже бросил. Из подъезда вынесли щит коричневый. Так я решила, что у кого-то тут панель меняют.

— Он нёс?

— Сзади я его куртку узнала. Впереди шёл другой. Лица не видела.

Вера протянула руки к краю стола и померила взглядом расстояние от угла до угла. Потом подвинула коробку с ножницами, чтобы рука не шла по булавкам.

— Ты прямо увидела щит? Насколько широкий?

— Видела снизу. Может, стол.

— А что лежало сверху?

— Не знаю. Я не перепрыгивала через перила. Парень тот ещё обернулся, крикнул, чтобы другой нёс биркой вверх. Я думала, они из мебельного.

Лена встала и взяла юбку девочки. Расстелила её поверх газеты, но та понемногу вылезла из-под подола. На сгибе бумага была оранжевой: девочка перед примеркой приложила к ней липкую дольку конфеты и не заметила. Лена загнула полоску, подвинула вещь и поймала взгляд Веры на остальном листе. Вера смотрела на белый промежуток, где между двумя колонками успели вырезать прямоугольник с рекламой.

— Вы из-за снимка тоже пришли? — спросила Лена. — Его Галина уже показала?

— Показала свой. Печатали в начале сентября.

— У меня остальное осталось. Я Маргарите показала. Если нужно, дату сама скажет. Вырезку мы обводили тем днём, когда договорились насчёт комнаты для меня.

Вера провела пальцем возле сгиба, но листа не поддела. Она вынула из кармана очки, посмотрела на нитку, которая тянулась от Лениной работы к краю газеты, и только потом спросила:

— Во сколько ты в воскресенье видела парня?

— После того как включили музыку из соседнего окна. Я перед этим ездила на обед, у меня в пакете горячая картошка была. Время спросите у Аси. Она мне не открыла. Я журнал у двери на площадке оставила, подумала, что спит.

— А ключ?

Лена опустила юбку на край. Переставила швейную коробку на другое место, чтобы вынуть из неё узкий белый мелок. Под коробкой осталась угольная полоска и белая полоска, две дуги, которые слегка расходились.

— Ключ я в тот воскресный день не трогала. Я пришла по делу к Асе. Вы приходите, когда меня позовут, или звоните сюда. Не ищите у нас ключ.

Вера Андреевна надела куртку. Задела рукавом край стола, сняла с шерсти длинную зелёную нитку, скрутила её на пальце и положила в коробку, где Лена держала обрезки на выброс. Взяла корзинку с верёвкой, но поставила на стул.

— Вам же верёвка, — сказала Лена.

— Это тебе. Маргарита спрашивала, кто ей прошлый раз отрезал, я взяла моток побольше. Если не надо, она возьмёт.

Вера отодвинула корзинку от прохода и вышла. Лена сдвинула засов только через минуту. Подняла с пола леденец и бросила в ведро. Потом разложила юбку и вспомнила, как девочка присела и обеими руками придержала подол. Оставалось распустить одну из двух намеченных складок. На пустом месте Лена поставила белым мелком единственную черту. Чёрный так и остался под коробкой.

Глава 9. До конца смены

В магазине Зоя переворачивала ящик с бутылками. Стойку, за которой стояла, поставили ниже прежнего, теперь на прилавке было видно каждую бутылку, даже если обеими руками держать ящик. Вера купила два пакета молока. Один просунула в сетку, другой попробовала удержать под локтем, пока убирала мелочь. Пакет съехал, Зоя успела прижать его ладонью к прилавку.

— Положи так, чтоб дверью не взяло, когда выйдешь, — сказала она.

Вера оглянулась. Перед прилавком стояли две женщины. Одну она узнала по чёрной ленте на горловине. Ленту Вера пришила летом, заказчица специально ездила за ней через город и потом ни за что не хотела отрезать остаток. Сейчас горловина уже растянулась. Женщина проследила за взглядом Веры и прикрыла ленту пальцами.

— Зоя, можно на минутку?

— Через десять минут. Или здесь.

Зоя подняла с пустого ящика картонку, другой рукой вынула из следующего ряда бутылку. Слегка подтолкнула её к краю и поправила крышку.

— Что Лена? — спросила она, по-прежнему глядя на молоко.

Вера забрала обе покупки. Между пальцами мокро захрустела сетка. Надо было бы отойти на шаг, пока их обеих отличает от посторонних только то, что одна упирается пальцами в стойку. Вместо этого она положила сетку на пол.

— Я про Лену говорила возле нашего дома, что могла взять ключ. Говорила при Галине и при её внучке. Теперь точно могу сказать, что ничего такого не видела. Людям пришлось за меня решать, что было, и они решили про Лену.

— Людям пришлось? — спросила Зоя.

— Это я первая сказала. Напрасно.

— Она машинку у вас не брала.

— Я разрешала приходить и другим людям. Сказала на Лену без оснований.

Зоя переставила бутылку в середину ряда. С обратной стороны стойки лежала фигурная бумажная крышка, которую оставили для тех, кто захочет завернуть взятое. На крышке кто-то из детей выдавил пальцем блюдце. Зоя взяла крышку, показала её женщине с чёрной лентой и та молча придвинула к себе.

— Слушали? — спросила Зоя.

Женщина облизнула губы. Летом Вера просила её подождать, пока остынет приутюженная лента, а та тут же просунула голову в платье. Пришлось расправлять край и примерять ещё раз. Сейчас Вере хотелось, чтобы женщина никуда не отступила.

— Слышали, — ответила та. — Нам тоже прежде говорили.

— Кто? — спросила Вера.

— Ну, кто. В той очереди, где вообще ни у кого не брали.

Зоя потянула из-за бутылок тонкий белый лист и сдвинула его к себе.

— На ней расходы висят. Она на пальто деньги ждала полмесяца. Кто говорил, мне всё равно. Когда начинают присматриваться, уже думают, что можно и не заплатить.

Вера взяла из сумки расчёт. Лена сказала, что матери захочется прочесть всё. Зоя отодвинула картонку, положила лист на сухое место и нахмурилась.

— Тут она сама написала?

— И сама получила.

— А что вы с ней ещё будете делать?

Вера посмотрела на шёлковую прослойку чёрной ленты у женщины. У неё здесь была возможность сказать, что ждёт Лену обратно и без неё не успевает, не умеет находить общее

слово с другими. Тогда Зоя могла бы для дочери выбрать самое подходящее. Проще всего было бы удивиться, когда Лена назавтра придёт и скажет, что ей больше негде работать.

— По своим делам буду сама ходить. Лена мне сегодня рассказала, что видела с лестницы. Только это я и могу от неё пересказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.